

Кира Нордейн

Кира Нордейн

Тенник. Исток. Книга 3

«Литнет»

2026

Нордейн К.

Тенник. Исток. Книга 3 / К. Нордейн — «Литнет», 2026

ФИНАЛ ТРИЛОГИИ Арарна найдена, иртоин добыт, рецепт готов. Дело почти закончено. Однако тот, что стоял за тенниками, не исчез. Он терпеливо ждал встречи. Лобельт оказался сложнее, чем ожидалось. Союзники подвели. Ошибка может дорого обойтись. Элара знает, как действовать. Но впервые этого может быть недостаточно.

© Нордейн К., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Глава 1

Весна в тот год задерживалась. То сулила тепло, то возвращала снег. К середине месяца дороги превратились в сплошную грязь, и о поездке в горы можно было забыть. Я уже привыкла к этому ожиданию, как привыкают к зубной боли — то утихает, то снова напоминает о себе.

Арарна нашлась. Иртоин ждал в пещерах. Сартор прислал слово — можно ехать.

Нельзя было ехать. Дороги.

Я сидела за столом, перебирала бабушкины записи в сотый раз и прислушивалась к тому, как за окном капает с крыши. Кот Рыжий — он появился у нас прошлой осенью, сам пришёл и остался, как делают все, кто хочет к нам прийти и остаться, — лежал у меня на коленях и мурлыкал так громко, что мешал думать. Я его не прогоняла. Думать всё равно получалось плохо.

— Что ты там ищешь? — спросил Варен из кресла.

Он сидел с книгой, но книгу явно читал для вида — я уже научилась отличать, когда он читает по-настоящему, а когда просто держит перед собой страницы. По-настоящему он шурится, когда доходит до интересного места. Сейчас он не шурился.

— Пытаюсь понять, нужно ли добавить что-то к настойке из арарны перед смешиванием с иртоином, — ответила я, не отрываясь от записей. — Бабушка писала, что один раз попробовала добавить медовый сок, и эффект был лучше. Но она не уточнила, в каком количестве.

— Медовый сок — это просто мёд?

— Нет, это особый способ отжима. Холодный. — Я перевернула страницу. — Или горячий. Она написала неразборчиво.

— Покажи.

Варен отложил книгу — с явным облегчением — и подошёл к столу. Наклонился над бумагами, и я почувствовала его тепло рядом — он всегда был тёплым, физически тёплым, что я до сих пор замечала каждый раз и каждый раз решала, что это не важно.

— Вот здесь, — я ткнула пальцем. — «Медовый сок х. или г.». Буква «х» — это холодный, буква «г»...

— Горячий, — сказал Варен. — Или «горький».

Я посмотрела на него.

— Горький сок. Это меняет всё.

— Или не меняет ничего. Как ты это проверишь?

— Никак, пока не привезу арарну.

Варен помолчал. Выпрямился, прошёлся к окну — широкому, с видом на улицу, где весна продолжала мочить мостовую. Постоял, глядя на улицу.

— Дороги ещё неделю не просохнут, — сказал он.

— Знаю.

— Может, две.

— Знаю, Варен.

— Я не к тому, чтобы расстроить. Я к тому, что пока дорог нет, можно подготовиться лучше. Ты ещё раз поговорила с Сартором о пещерах?

— Он мало рассказывает о пещерах. Говорит, что там проводник нужен, и проводника он обеспечит.

— Я не люблю, когда проводника обеспечивает Сартор.

— Я тоже не люблю, — честно сказала я. — Но у нас нет другого способа найти иртоин. Горцы чужаков в пещеры не пускают.

Варен обернулся. Посмотрел на меня с тем выражением, которое я уже научилась читать: это было не недовольство и не запрет — это был человек, который думает о том, как сделать так, чтоб всё прошло хорошо, и не находит гарантий.

— Ладно, — сказал он. — Расскажи мне всё, что знаешь о Лобельте. С начала. Как будто я там никогда не был.

— Ты там никогда не был.

— Именно поэтому.

Я закрыла бабушкины записи, убрала Рыжего с колен — кот возмутился, спрыгнул на пол и ушёл с достоинством — и начала рассказывать.

Варен слушал внимательно, как умел слушать только он: не перебивал, не кивал механически, а именно слушал — так, что было ощущение, будто каждое слово идёт куда надо и там остаётся. Я рассказывала про горцев — нелюдимый народ, живущий по своим правилам, которые чужакам не объясняют, а просто молча ожидают, что те сами всё поймут. Про то, что Лобельта — не страна в обычном смысле, а скорее несколько кланов, которые держатся друг от друга на расстоянии и объединяются только когда приходит настоящая угроза. Про то, что тенники там не прячутся, как в наших землях, а живут почти открыто — не среди людей, но рядом, и горцы это приняли за несколько поколений, выстроили что-то вроде соглашения.

— Соглашение выглядит примерно так: тенники не трогают горцев и обеспечивают защиту поселений. Горцы не мешают тенникам жить в пещерах и время от времени... — я остановилась, подбирая слово.

— Поставляют им людей, — тихо сказал Варен.

— Да. Рабов из Ринкеи. Мы с этим уже сталкивались.

— Значит, горцы нас не любят не просто так. Мы — те, кто разрушил схему с поставками.

— Именно. Хорт, Арис, вся история с городом — это было частью той же системы. Мы её сломали. Горцы потеряли деньги. — Я помолчала. — Поэтому Латтир нас терпит — потому что Сартор попросил, и потому что мы дали ему пластинку Летты. Но горцы нас терпеть не обязаны.

Варен долго молчал.

— То есть мы едем в место, где нас не любят, с проводником, которому мы доверяем условно, чтобы найти растение, которое горцы нам отдавать не хотят, и корень в пещерах, куда нас пускать не обязаны.

— В общих чертах — да.

— Хорошо, — сказал он, и в его голосе не было ни страха, ни раздражения — только та спокойная сосредоточенность, которая, как я успела понять, означала «принял, думаю дальше». — Значит, берём серебро. Много серебра. И Кессана.

— Кессана лучше не брать.

— Почему?

— Потому что Кессан не умеет молчать. А в Лобельте лишний разговор — это неуважение к хозяевам. Они это запомнят.

Варен посмотрел на меня. Потом, кажется, вспомнил Кессана на свадьбе, где тот произнёс четыре тоста подряд, и кивнул.

— Без Кессана. Кого тогда?

— Двух человек из твоих. Надёжных, умеющих молчать и не делать резких движений. Не Борена.

— Это я уже понял самостоятельно, — сухо произнёс Варен, и я засмеялась — не потому что это было особенно смешно, а просто потому что Борен в горах среди горцев — это такая картина, что иначе не отреагируешь.

Варен смотрел на меня, пока я смеялась, с тем выражением, которое я всё ещё не умела описать — тихое, тёплое, немного удивлённое, как будто каждый раз заново открывает что-то, что уже знал.

— Нарен и Свет, — сказал он. — Двое из старых. Нарен горы знает — он с севера родом. Свет тихий, наблюдательный, лишнего не говорит.

— Хорошо.

— Сколько нам там быть?

— Не знаю. Неделя минимум. Может, больше — зависит от того, как найдём иртоин и в каком состоянии будет арарна. Мне нужно будет её проверить на месте.

Варен кивнул. Сел обратно в кресло, взял книгу, снова поставил. Посмотрел на огонь в камине.

— Элара, — сказал он.

— Что?

— Ты едешь туда ради мальчика. Который тебе чужой.

Я знала, что это не вопрос, и не ответила сразу. Рыжий вернулся откуда-то из-за печки и запрыгнул на кресло рядом с Вареном — нагло, как будто это его кресло. Варен его не прогнал.

— Я еду туда ради рецепта, — сказала я наконец. — Рецепт должен работать. Бабушка всю жизнь искала то, чего ей не хватало. Я нашла. Теперь надо довести до конца.

— Это не противоречит тому, что я сказал.

— Нет. — Пауза. — Не противоречит.

Варен почесал Рыжему за ухом. Кот мгновенно начал мурлыкать с удвоенной силой.

— Предатель, — сказала я коту.

— Он просто умный, — возразил Варен. — Берёт тепло там, где оно есть.

Я посмотрела на него. Он смотрел на камин и, кажется, улыбался — чуть-чуть, едва заметно.

— Когда дороги просохнут, — сказала я.

— Когда дороги просохнут, — согласился он.

Тётя Сейра узнала о поездке в тот же вечер. Я не собиралась скрывать — это было бессмысленно, она всё равно бы поняла по тому, как я паковала сумку и составляла списки трав.

— В Лобельту, — повторила она, когда я закончила объяснять. Голос у неё был ровный, но руки, которые держали вязание, остановились. — Опять.

— Тётя.

— Я не говорю «не ездь», — сказала она, и по этим словам было понятно, что именно это она и хотела сказать. — Я просто... ты только вернулась. Полгода прошло.

— Восемь месяцев.

— Восемь месяцев, да. — Она снова взяла спицы. — Варен едет с тобой?

— Едет.

— Это хорошо. — Она помолчала, и спицы застучали быстрее — верный знак того, что она думает о чём-то, что не говорит вслух. — Он хороший человек, Элара.

— Знаю, тётя.

— Я просто говорю.

— Я слышу.

Некоторое время мы сидели в тишине — она вязала, я составляла список, Рыжий спал на подоконнике, за окном капало. Потом тётя Сейра произнесла, не поднимая глаз от вязания:

— Твоя бабушка тоже всё время куда-то ехала. В самые неподходящие моменты, за самыми непонятными вещами. Я тогда не понимала зачем. Потом поняла.

Я отложила список.

— Зачем? — спросила я.

Тётя подняла глаза. Посмотрела на меня — долго, с тем особым взглядом, которым смотрят люди, много прожившие.

— Потому что если не она, то кто, — сказала она просто. — Это было её. Понимаешь?

— Понимаю.

— Ты такая же.

Я не ответила, но она, кажется, не ждала ответа. Снова опустила глаза на вязание.

— Возьми тёплый платок, — сказала она через минуту. — В горах всегда холодно, даже летом.

— Весна ещё, тётя.

— Тем более.

Дороги просохли через десять дней. За эти десять дней произошло несколько вещей, которые в итоге имели значение, хотя я тогда не знала, что они будут иметь значение, — так всегда бывает с вещами, которые потом имеют значение.

Первое: Кессан пришёл к нам с Милой на ужин и сообщил, что слышал от одного торговца о том, что в горных перевалах появились новые люди — нездешние, южные, что-то ищут. Торговец видел их мельком и не мог сказать больше, но Кессан сказал это с таким видом, с каким говорят что-то, что считают важным.

— Арис? — спросил Варен.

— Не знаю. Может, и Арис. Может, кто-то другой.

— Сартор ничего не сообщал?

— Нет. Но Сартор не торопится сообщать то, что нам не нравится, — сказала я.

Мы запомнили это. Мила переменила тему разговора на что-то о новых тканях на рынке, и вечер прошёл хорошо, но запомнили.

Второе: я закончила составлять точный список того, что нужно для приготовления снадобья — не только арарна и иртоин, но и всё остальное, что шло вместе с ними. Полный список вышел длинным, но большинство ингредиентов у меня уже было. Только три пункта вызывали вопросы, и на все три бабушка написала что-то вроде «заменить нельзя, искать в тех же местах». Это могло означать, что все три тоже растут в районе Лобельты. Или что бабушка была неаккуратным составителем рецептов. Обе версии казались мне примерно одинаково правдоподобными.

Третье — и это я заметила позже всего: Варен стал просыпаться раньше меня.

Мы ещё не жили вместе — я жила у тёти Сейры, он у себя, и это было правильно, и нам обоим это было удобно. Но он стал приходить по утрам — раньше, чем раньше, с какой-то едой из ближайшей булочной и с тем видом человека, который не хочет признавать, что волнуется, но волнуется. Я не говорила ему об этом. Он не говорил мне. Мы пили чай, смотрели на карту, обсуждали дорогу, и это было хорошо — этот разговор, эта карта, этот утренний свет в окне.

За день до отъезда он пришёл позже обычного, без булочной, и вид у него был такой, что я сразу поняла — что-то случилось.

— Борен нашёл в портовых записях кое-что, — сказал он, садясь. — За три недели до отъезда Ариса из города — помнишь, я говорил, что он ушёл сразу после ареста Хорта? — так вот, за три недели до этого в порт пришло судно с юга. Груз зарегистрирован как «специи и ткани». Но один из портовых досмотрщиков написал в своих заметках — не в официальных, а в личных, и Борен их каким-то образом нашёл, — что в трюме было нечто похожее на металлические клетки. Маленькие, с решётками.

Я смотрела на него.

— Клетки для чего?

— Досмотрщик не знал. Написал только, что запах из трюма был неприятным. — Варен помолчал. — Элара. Ты знаешь что-нибудь о том, как тенники перемещаются? Если им нужно перевезти кого-то, кто одержим?

Я знала. И то, что он описывал, было именно этим.

— Одержимого высоким тенником можно перевозить только в серебряной клетке, — сказала я медленно. — Иначе тенник уйдёт из хозяина при первом удобном случае. Серебро его держит, как мы уже знаем. Клетки должны быть небольшими, потому что чем меньше площадь, тем плотнее серебряное поле.

— И кто это перевозил?

— Арис.

— Арис перевозил одержимых в клетках, — повторил Варен. — Зачем?

— Я не знаю, — сказала я. Это была правда. — Но мне это очень не нравится.

— Мне тоже.

Мы оба молчали. За окном было серое небо, начинался дождь — мелкий, весенний. Рыжий сел на подоконник и уставился на дождь с видом глубокого неодобрения.

— Ты всё равно едешь, — сказал Варен. Не как вопрос.

— Еду. — Я посмотрела на него. — Ты?

— Я же сказал: еду с тобой.

— Это было восемь месяцев назад.

— Ничего не изменилось.

Я кивнула.

— Тогда завтра утром у северных ворот.

— Я знаю, — сказал он. — Я туда и еду.

Встал, взял шапку. У двери остановился.

— Элара.

— Что?

Он не сразу ответил. Стоял, держал шапку в руках, смотрел куда-то мимо меня.

— Ничего, — сказал он наконец. — Увидимся утром.

Ушёл.

Я ещё долго сидела за столом, слушала дождь и думала о металлических клетках с решётками, о запахе, который не понравился портовому досмотрщику, и о том, что Варен не досказал то, что хотел сказать, и я тоже не досказала, и, может быть, это правильно — оставить некоторые вещи на потом, когда вернёмся, когда всё закончится.

Если всё сложится удачно.

«Всё закончится хорошо», — подумала я уверенно.

Затем начала собирать сумку.

Глава 2

Горная дорога — не просто путь. Она существует сама по себе, без приглашения. Если решишь идти по ней, делай это, но не жди от неё ничего.

Так говорил Нарен — молчаливый мужчина лет сорока пяти. Его лицо обветрилось от северных ветров, а глаза были спокойного серого цвета. Он жил в горах, в трёх днях пути к северу от Лобельты, и видел в них что-то живое. Горы для него не были чем-то сказочным. Они просто имели своё настроение и правила.

— С горой не спорят, — сказал он на второй день пути, когда мы остановились на перекус у небольшого водопада, ещё наполовину замёрзшего. — Гора всегда права.

— А если гора не права? — спросил Свет — второй из Варениных людей, молодой, темноволосый, с любопытными глазами, которые всё время что-то замечали.

— Тогда это не гора, — ответил Нарен с полной серьёзностью. — Это холм.

Свет подумал и кивнул с таким видом, как будто это объяснение его вполне устроило.

Я смотрела на водопад и думала о том, что горы красивы той особой красотой, которую сложно переносить долго — слишком много её, слишком она всего масштаба, слишком напоминает человеку о его собственном размере. Снежные шапки на вершинах, уступы серого камня, тёмная зелень первой весенней травы в расщелинах, где снег уже отступил. Воздух чистый до такой степени, что каждый вдох кажется немного лишним — слишком хороший для обычного дыхания.

— Нравится? — спросил Варен тихо. Он подошёл и стал рядом, глядя на тот же водопад.

— Не знаю ещё, — призналась я. — Спроси, когда вернёмся.

Он чуть улыбнулся.

— Спрошу.

Ехали мы четвёртый день, и за эти четыре дня я успела узнать несколько вещей, которые раньше знала только в теории.

Первое: Варен в дороге был другим. Не хуже и не лучше — просто другим. Он перестал быть главой городской стражи, человеком с кабинетом и полномочиями, и стал просто человеком в дороге — внимательным, спокойным, умеющим устроить ночлег так, чтобы всем было нормально, умеющим угадать, когда нужна остановка, а когда — нет. Он привязывал лошадей с той же уверенностью, с которой подписывал приказы. Это было... неожиданно приятно. Я поймала себя на том, что несколько раз просто смотрела на него, и каждый раз мысленно говорила себе, что надо перестать.

Второе: первую ночь на постоялом дворе мы провели в разных комнатах — маленьких, холодных, с тонкими стенами, через которые слышно было всё. Хозяин, немолодой хмурый мужчина, выдал нам по одному тощему одеялу и сказал, что других нет. Я лежала под своим тощим одеялом, слушала, как завывает ветер в горных щелях, и думала, что мёрзнуть можно было бы и поближе к другому тёплому человеку, но не стала об этом думать дальше — это был не тот момент.

Варен постучал в мою дверь около полуночи.

— Не сплю, — сказала я.

— Я тоже. — Он заглянул. — У тебя топится?

— Нет. Дрова закончились.

— У меня тоже. — Пауза. — Иди к нам. У Нарена большая печь и дров в запас.

Нарен и Свет спали как убитые — один у стены, другой поперёк, и как им это было удобно — непонятно. Варен лёг у печки, я устроилась рядом, на расстоянии, достаточном, чтобы считать это просто тактическим решением. Было тепло. Нарен храпел несильно, равномерно, почти успокаивающе. Горы за окном молчали.

— Варен, — сказала я тихо.

— Да?

— Ты боишься?

Долгая пауза.

— Лобельты — нет. Тенников — нет. — Ещё пауза. — Того, что что-то пойдёт не так и я не успею — да.

Я лежала и смотрела в потолок.

— Я тоже, — сказала я.

— Знаю.

— Откуда знаешь?

— Ты проверила сумку с дротиками три раза за сегодняшний вечер.

Я не ответила. Это было правдой.

— Ничего не пойдёт не так, — сказал Варен — не как обещание, а как решение.

— Ты не можешь этого знать.

— Нет. Но так лучше думать.

Я закрыла глаза. Где-то в горах кричала птица — одинокий высокий звук, потом тишина.

— Варен.

— Да.

— Расскажи мне что-нибудь.

— Что?

— Что угодно. Просто говори.

Он помолчал, потом начал рассказывать — о том, как в детстве, до десяти лет, жил в деревне с матерью, и каждую осень они с соседским мальчишкой ходили на озеро ловить рыбу, и один раз поймали щуку такого размера, что не могли поверить и несли её по деревне, останавливаясь у каждого дома, чтобы все посмотрели. Деревенские смотрели и качали головами. Щуку потом три дня ели на всю улицу.

Я слушала и думала, что не знала этой истории, и ещё много историй не знала, и впереди, если всё пойдёт хорошо, было много времени их узнать.

Уснула раньше него.

Третий и четвёртый день дороги были тяжелее — тропа начала подниматься в горы по настоящему, и лошади шли медленно, аккуратно ставя ноги на влажный после таяния снег. Нарен ехал первым, Свет замыкал, и всё было тихо и правильно, пока на четвёртый день около полудня нам навстречу не вышли трое горцев.

Горцы были невысокими, плотными, одетыми в грубое сукно с меховыми нашивками, и стояли посреди тропы с таким видом, как будто они здесь и есть тропа, и если хочешь пройти — договаривайся. Оружия видно не было, но руки держали так, что оружие было точно где-то рядом.

Я почувствовала — не магией, а просто кожей, — что они нас ждали.

Нарен что-то коротко произнёс на наречии, которое было похоже на то, что я слышала в Лобельте в прошлый раз. Горцы ответили — тоже коротко, без интонаций. Нарен ответил. Горцы снова ответили.

— Что они говорят? — тихо спросил Варен.

— Спрашивают, куда едем, — тихо ответил Нарен, не оборачиваясь. — Я говорю — к Латтиру, по приглашению. Они говорят — у них нет сведений о приглашении.

— Это правда, — сказал Варен.

— Это их способ проверить, знаем ли мы, что делаем, — сказал Нарен. — Если испугаемся и начнём объяснять — значит, не знаем.

— А если не объясним?

— Посмотрим.

Нарен снова что-то произнёс на наречии — на этот раз спокойно и немного медленнее, как говорят с теми, кто должен правильно расслышать. Горцы переглянулись. Один из них — старший, судя по всему — сказал что-то. Второй шагнул в сторону.

Дорога открылась.

— Что ты им сказал? — спросила я, когда мы проехали мимо.

— Что мы едем по делу Сартора, — ответил Нарен. — И что задержка раздражает Сартора больше, чем нас.

— Ты не знаешь, раздражает ли Сартора задержка.

— Нет. Но они не знают, что я не знаю.

Варен обернулся ко мне. В его взгляде было что-то похожее на одобрение.

— Хороший человек, — сказал он тихо, кивая на Нарена.

— Я знал, что ты так скажешь, — произнёс Нарен, не оборачиваясь, и Свет тихо засмеялся.

Глава 3

Лобельта встретила нас как место, не ожидавшее гостей, но и не притворявшееся, что это хорошо или плохо — просто так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.